

Наброски изъ моей жизни¹⁾.

ятежь въ Польшѣ, начавшійся въ началѣ 1863 года, разгорался все болѣе, несмотря ни на какія уступки со стороны русскаго правительства. Напротивъ, онъ усиливался по мѣрѣ дѣлаемыхъ уступокъ какъ съ гражданской, такъ и съ военной стороны. Намѣстники, кромѣ временно бывшаго Сухозанета, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, совершенно растерялись и, несмотря на многія указанія со стороны самого Государя, не исполняли Высочайшаго повелѣнія. Всѣ они находились подъ вліяніемъ поляковъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Велепольскаго, который, пользуясь оказаннымъ ему довѣріемъ, проектировалъ такія льготы Польшѣ, о которыхъ осталъная Россія и думать не могла. По этому проекту, сочиненному Велепольскимъ и утвержденному Государемъ, Польша фактически становилась независимою отъ Россіи. И все это утверждалось русскимъ правительствомъ, которое не видѣло или не хотѣло видѣть, что утвержденный проектъ вель къ той же цѣли, къ какой стремились и мятежники. Къ счастью Россіи поляки не поняли или тоже, какъ и русскіе, не хотѣли понять игры Велепольскаго и, несмотря на дарованныя имъ милости, продолжали прежнія революціонныя безчинства.

Нельзя не отмѣтить при этомъ, что обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ Царствѣ Польскомъ извѣщались иностранныя государства, точно будто Польша не составляла нераздѣльной части Россіи и

---

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1910 г.

въ своихъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ дѣлахъ подлежала суду европейскихъ державъ. Не это ли занесиваніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ послужило поводомъ къ тѣмъ дипломатическимъ нотамъ, въ которыхъ съ такою безцеремонностью давались Россіи разные непрошенныя совѣты.

Если можно только съ горечью говорить о томъ гражданскомъ строѣ, который господствовалъ въ Польшѣ, благодаря русскимъ намѣстникамъ, то не менѣе тяжело вспомнить о томъ униженіи, которому, благодаря тѣхъ же намѣстниковъ, подвергались войска.

Не было такихъ униженій и оскорбленій, которымъ бы не подвергались войска со стороны польскихъ мятежниковъ: на войска плевали одиночные люди, какъ это теперь происходитъ въ Финляндіи, поносили, оскорбляли цѣлыми толпами, дѣйствуя иногда оружіемъ, и убивали полицейскихъ. И все это войска выносили со злостью въ сердца, повинаясь властямъ, которыя ничего этого не хотѣли видѣть и не желали остановить безобразія. Но все это кончилось съ назначеніемъ графа Берга намѣстникомъ, а Н. А. Милютина начальникомъ гражданской власти.

Н. А. Милютинъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ и довѣреннымъ лицомъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. По удаленіи А. И. Левшина въ 1859 году Ланской представилъ Милютина на должность товарища. Однако Государь, хотя не звалъ Милютина лично, но слышалъ, что онъ слыветъ за либерала, долго не соглашался на это назначеніе. Государь слышалъ, будто Милютинъ страшный врагъ дворянъ и поборникъ крестьянскихъ интересовъ. Въ концѣ концовъ, однако Государь уступилъ Ланскому, назначивъ Милютина временно товарищемъ министра.

Принимая Милютина при вступленіи его въ должность, Государь не скрылъ отъ него, что въ обществѣ его считаютъ едва-ли не за революціонера и что, соглашаясь на его назначеніе, онъ желалъ дать ему возможность оправдаться въ этомъ нареканіи¹⁾. Конечно, распусить въ придворныхъ сферахъ такой слухъ о Милютинѣ могли тѣ лица, которыя стояли за крѣпостное право, за олигархію дворянства и за остзейскіе и польскіе порядки. На сторонѣ Милютина были только Абаза, Головинъ, Рейтернъ и князь Оболенскій. Правда, это было немного по числу, но за то на его сторонѣ была большая сила въ лицѣ умной Великой Княгини Елены Павловны, горячо сочувствовавшей всѣмъ благимъ начинаніямъ Царя-Освободителя. Она дѣятельно поддерживала Милютина, выражала ему

¹⁾ Татищевъ.

сочувствіе и оказывала свое покровительство. Неоднократно она заступалась за него передъ самимъ Государемъ.

Надо замѣтить, что она не совѣтовала Милютину принимать предлагаемое ему мѣсто. Того же мнѣнія держался и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ того мнѣнія, что во главѣ правительства въ Царствѣ Польскомъ долженъ быть не русскій, а полякъ.

По окончаніи своихъ работъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ Н. А. Милютинъ, со свойственнымъ ему умомъ и энергіею, принялся за реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Лѣтомъ 1863 года онъ былъ вызванъ изъ-за границы, и Государь, несмотря на отказъ съ его стороны, поручилъ ему огромной важности дѣло—введеніе въ Царствѣ Польскомъ капитальныхъ реформъ. При этомъ Императоръ Александръ Николаевичъ изложилъ Милютину свои главныя мысли. Онъ говорилъ, что несмотря на примирительную систему, которой онъ постоянно держался, онъ окончательно убѣдился, что не достигнетъ примиренія между русскими и поляками, несмотря на всѣ уже сдѣланныя уступки. Поэтому остается одно только средство привлечь къ русскому престолу сердце польскихъ крестьянъ, ибо помѣщики и шляхта непримиримы, крестьяне же, несмотря на личную свободу, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, состоя въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ были водворены.

Отпуская Милютину, Государь изъявилъ ему милостивое довѣріе и сказалъ, что онъ предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій.

Результатъ Милютинскихъ дѣйствій, съ соизволенія Государя, выразился фактическимъ освобожденіемъ крестьянъ, съ надѣломъ ихъ землею, и дарованіемъ независимаго отъ помѣщиковъ суда и устройства учебной части. Всѣ руководящія статьи по этому вопросу, составленныя Гильфердингомъ, Кояловичемъ и Феокистовымъ, подъ непосредственною редакціею самого Милютина, тотчасъ же печатались въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и такимъ образомъ дѣлались достояніемъ публики, имѣвшей возможность оцѣнивать дѣйствія правительства.

Русское общество ожило и увидѣло, что правительство поняло наконецъ свое униженіе и рѣшилось принять энергическія мѣры для водворенія порядка въ краѣ, гдѣ благодаря Велепольскому и слабымъ намѣстникамъ, Царство Польское едва не отдѣлилось отъ Россіи на законномъ основаніи.

Но если въ Россіи были довольны дѣйствіями правительства, за границею поднялась цѣлая буря. Общественное мнѣніе, возбужденное прессою, негодовало и громко требовало вмѣшательства во вну-

твенія дѣла Россіи. Къ счастью, на этотъ разъ нашлись люди, отстаившіе честь и достоинство Россіи, съ соизволенія Государя, давшіе внушительный отпоръ Франціи и Англій.

Принятіе ихъ предложеній равносильно было бы признанію за ними права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла, отверженіе могло повести къ дипломатическому разрыву и даже къ войнѣ, какъ предупреждали о томъ русскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ. Възвѣсивъ объ случайности, Императоръ Александръ не поколебался подчинить всѣ прочія соображенія сознанію державнаго достоинства Россіи. Прежде чѣмъ подписать: „быть посему“ на представленныхъ вице-канцлеромъ проектахъ отвѣтовъ на имя нашихъ представителей въ Лондонѣ, Парижѣ и въ Вѣнѣ, Государь перекрестился и, передавая ихъ князю Горчакову, твердо и рѣшительно произнесъ¹⁾: *Vogue la galère.*

Въ числѣ протестующихъ оказался и папа римскій. Онъ съ самаго начала возстанія въ Польшѣ проявилъ сочувствіе полякамъ и оказывалъ имъ всевозможныя поощренія. Наконецъ, онъ обратился съ личнымъ письмомъ къ Государю, въ которомъ жаловался на положеніе римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія и требовалъ для себя права непосредственно сносятся, внѣ всякаго правительственнаго контроля, съ мѣстными епископами, а для духовенства—возстановленія его вліянія на народное образованіе.

Императоръ Александръ отвѣчалъ римскому первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противопоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ соучастіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ имъ безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ преступленіяхъ. „Этотъ союзъ пастырей церкви“, писалъ Государь, „съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу—одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше Святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія“. Письмо это заключалось слѣдующими словами Государя: „Я увѣренъ, что прямое соглашеніе моего правительства съ правительствомъ Вашего Святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желанный мною свѣтъ, при которомъ разсѣются недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями, и не преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому и другимъ приходится обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ

¹⁾ Татищевъ.

исповѣданій служить залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи“.

Въ числѣ другихъ вопросовъ Милютинъ коснулся весьма важнаго вопроса о католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, выяснилось, что во всѣхъ волненіяхъ и преступленіяхъ принимало дѣятельное участіе католическое духовенство; во многихъ костелахъ и монастыряхъ найдены были склады оружія и прокламацій. Въ виду этого рѣшено было закрыть тѣ изъ монастырей, которые существовали не на законномъ основаніи, вопреки каноническихъ правилъ.

Когда въ принципѣ вопросъ былъ конченъ, то, по желанію Н. А. Милютина, рѣшено было, не оглашая самаго рѣшенія правительства, приступить къ подготовленію общественнаго мнѣнія къ этому событію. Съ этою цѣлью составленіе статей поручено было Гильфердингу, Кояловичу и Теокистову. Статья Кояловича по поводу описанія дѣйствій извѣстнаго Кунцевича была представлена предварительно Государю. По этому случаю, я получилъ слѣдующую записку отъ Д. А. Милютина.

„Возвращая при семъ корректурный оттискъ статьи г. Кояловича съ двумя собственноручными отмѣтками Государя Императора, покорнѣйше прошу Васъ, Сергѣй Павловичъ, исправить всѣ тѣ мѣста, гдѣ прямо приписываются самому Папѣ неблаговидныя дѣйствія. Можно сказать совершенно то же самое, только избѣгнувъ наименованія Папы“.

Д. Милютинъ.

12 декабря.

По поводу той же статьи я получилъ слѣдующую записку отъ Н. А. Милютина.

„Позвольте обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь Сергѣй Павловичъ, съ покорнѣйшею просьбою, доставить мнѣ, если можно № 277 „Русскаго Инвалида“ (статью о Юсафатѣ Кунцевичѣ). Желательно бы объ этомъ господинѣ тиснуть статейку во французскихъ газетахъ, чѣмъ мы нынѣ занимаемся“.

Искренно преданный

Н. Милютинъ.

1 мая 1865 г.

Предстоящее закрытіе монастырей, какъ сообщилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, требовало величайшей тайны. Рѣшено было, чтобы русская публика узнала объ этомъ событіи изъ газеты въ то утро,

когда въ ночь, въ Царствѣ Польскомъ уже свершалось закрытіе монастырей. Это очень озабочивало Николая Алексѣевича, и потому ему пришлось обратиться ко мнѣ съ разными личными указаніями и письмами. Такъ отъ 2 ноября онъ писалъ:

„Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу препроводить къ Вамъ полученную изъ Варшавы и частью мною исправленную корректуру нашего отчета по польскому крестьянскому дѣлу. Нужно бы было еще одну корректуру для окончательнаго просмотра. Пожалуйста доставьте мнѣ ее, если можно въ двухъ экземплярахъ. При этомъ можно бы раздѣлить отчетъ на нѣсколько частей по числу № №, въ которые Вы его предназначаете. Впрочемъ, на этихъ дняхъ потребуется отпечатать весьма длинные оффиціальныя документы, о чемъ намъ необходимо предварительно условиться. Не признаете ли возможнымъ переговорить со мною на этихъ дняхъ. Между 12 и 3 часами я буду дома. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуетъ особенной тайны. Надѣюсь до скорого свиданія“

Искренно преданный

Н. Милютинъ.

Сохраненіе въ тайнѣ вопроса о предстоящемъ закрытіи монастырей особенно озабочивало Н. А. Милютина потому, какъ объяснилъ онъ мнѣ, что нужно было предупредить появленіе какихъ бы то ни было слуховъ объ этомъ предметѣ, какъ здѣсь, такъ и въ заграничной прессѣ.

— Указы по этому случаю будутъ очень большіе; прибавьте къ тому разъяснительныя статьи, и Вы увидите, какъ трудно будетъ сохранить до времени тайну, если все это будетъ лежать въ наборѣ въ типографіи.

— Но все это можно приготовить заранѣе, не давая въ типографію всего матеріала разомъ. Я дамъ въ типографію матеріаль безъ начала и безъ конца, а отчасти и безъ середины; когда же получу разрѣшеніе печатать, то будетъ набрано и напечатано и все остальное, отвѣчалъ я.

Такъ и было сдѣлано. Петербургская публика узнала объ этомъ событіи, когда въ Варшавѣ уже всѣ монастыри были закрыты и опечатаны.

Вмѣстѣ съ указами готовились и разъяснительныя редакціонныя статьи, которыя, по порученію Милютина, писалъ А. О. Гильфердингъ.

По поводу ихъ Николай Алексѣевичъ 3 сентября писалъ:

„Вотъ исправленная статья, которую предполагается напечатать вмѣстѣ съ извѣстными оффиціальными актами. Не знаю, когда статсъ-секретаріатъ ихъ окончательно изготавитъ для печати, но полагаю, что это не замедлится.

Моя убѣдительная просьба: пустить эту статью тотчасъ по полученіи указовъ и доставить мнѣ хоть дюжину отдѣльныхъ оттисковъ. Если почему-либо это замедлится, то нельзя ли не позже воскресенья (вечеромъ) прислать мнѣ хотя корректуру прилагаемой статьи (экз. 3 или 4), такъ какъ въ понедѣльникъ у меня будетъ случай послать ее, для руководства, нѣкоторымъ заграничнымъ корреспондентамъ“.

Преданный

Н. Милютинъ.

3 сентября.

Опубликованіе этихъ документовъ было отсрочено, кажется, даже не одинъ разъ. По этому поводу я опять получилъ увѣдомленіе отъ Н. А. Милютина.

„Публикація извѣстныхъ документовъ отсрочивается, и дня ея опредѣлить еще не могу, тѣмъ тщательнѣе нужно соблюдать глубокую тайну, о чемъ убѣдительнѣйше прошу распорядиться по редакціи и типографіи.

Докладъ вѣроятно уже набирается, и я ожидаю корректуры. Сдѣлайте одолженіе увѣдомить меня, когда именно я могу рассчитывать на полученіе корректуры? Если же въ наборъ еще не отдано, то нельзя ли возвратить мнѣ оригиналы для исправленія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ.

Когда день для обнародованія будетъ окончательно избранъ, то я доставлю Вамъ статью А. Ѳ. Гильфердинга вмѣстѣ съ другими документами, вѣроятно въ срединѣ будущей недѣли.

Позвольте напомнить Вамъ мою просьбу: статью Гильфердинга, по отпечатаніи въ Инвалидѣ, доставить мнѣ, въ отдѣльныхъ оттискахъ въ количествѣ 500 экз. Что касается до оттисковъ другихъ документовъ, то объ этомъ я сообщу Вамъ особо.

Если Вамъ угодно будетъ переговорить со мною, то завтра утромъ буду дома“.

Искренно преданный

Н. Милютинъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій я получилъ отъ Д. А. Милютина записку: „Ожидаемые указы и приказы получены. Пожа-

луйста примите зависящія отъ Васъ мѣры къ своевременному напечатанію ихъ.

Не позабудьте о рескриптѣ?“

Въ то же время Дмитрій Алексѣевичъ писалъ мнѣ:

„Братъ проситъ Васъ, Сергѣй Павловичъ, прислать ему, если можно, сегодня же три оттиска статьи, приготовленной по поводу указовъ, такъ какъ есть случай отправить къ отъѣзжающимъ въ Парижъ, дабы статья эта скорѣе появилась въ „le Nord“ и другихъ доброжелательныхъ парижскихъ газетахъ“.

Д. Милютинъ.

6 сентября.

Опубликованіе указовъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ произвело большой шумъ въ наполеоновской Франціи. Объ этомъ я былъ извѣщенъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ слѣдующею запискою:

„Указъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ напечатанъ въ „Мониторъ“ въ совершенно искаженномъ видѣ. Прибывшіе изъ Петербурга № № газетъ, заключавшіе въ себѣ эти указы, были въ Парижѣ запрещены, такъ что „le Nord“ объявилъ, что не можетъ напечатать подлинныхъ указовъ. Всѣ французскія газеты получили mot d'ordre выставлятъ распоряженія Русскаго Правительства какъ новое насилие: „штатные“ монастыри названы couvents d'Etat, т. е. какъ бы казенными. Однимъ словомъ, французское правительство высказало при этомъ случаѣ въ полномъ блескѣ свои мошенническія и плутовскія способности. Новая эта продѣлка требуетъ немедленнаго обличенія. Не можетъ ли Евгенийъ Михайловичъ Теокистовъ написать статейку къ воскресенью? Братъ мой уже просилъ его къ себѣ сегодня вечеромъ; но я не знаю, можетъ ли онъ быть у него; а время дорого, такъ какъ въ понедѣльникъ не будетъ номера“.

Д. Милютинъ.

27 ноября.

Статья была уже готова, когда я на слѣдующій же день отъ Дмитрія Алексѣевича получилъ другую записку:

„Князь Горчаковъ убѣдительно проситъ остановить печатаніе статьи о продѣлкѣ „Монитера“ и другихъ французскихъ газетъ по поводу указа о монастыряхъ. Знаю, что такое позднее и внезапное измѣненіе принесетъ Вамъ не малое разстройство, но дѣлать нечего: причины, приводимыя княземъ Горчаковымъ, слишкомъ важны, чтобы не исполнить на сей разъ его желанія. Статья можетъ быть пригодится на другой № Инвалида“.

Д. Милютинъ.

28 ноября.

На основаніи указовъ было упразднено: 71 мужской монастырь съ 304 монахами, 11 женскихъ съ 14 монахинями, какъ не достигавшими опредѣленнаго церковными канонами числа монашествующихъ въ нихъ; за соучастіе въ мятежъ закрыто 39 мужскихъ монастырей съ 674 монахами; сверхъ того упразднены 4 униатскія обители; затѣмъ осталось въ Царствѣ Польскомъ римско-католическихъ монастырей 45 мужскихъ съ 657 монахами и 38 женскихъ съ 535 монахинями.

Теперь Н. А. Милютину предстояло громадное дѣло покончить навсегда съ притязаніями папы.

Выше уже было сказано, что Императоръ Александръ и папа Пій IX обмѣнялись письмами, въ которыхъ Государь указывалъ папѣ на католическое духовенство, усиленно поддерживавшее мятежъ въ Польшѣ. Даже, когда мятежъ потухалъ, то папа приказалъ въ церквахъ торжественно молиться за Польшу, какъ за оплотъ католической вѣры противъ вторженія ереси и прося у Бога, чтобы она была освобождена отъ политическихъ бѣдствій. Весною 1864 года онъ въ коллегіи пропаганды произнесъ страстную рѣчь, въ которой вводилъ на Государя обвиненіе въ томъ, что католическая церковь подвергается преслѣдованію въ его владѣніяхъ, а католики гоненіямъ за то только, что они остаются вѣрными религіи Іисуса Христа.

Послѣ этой выходки папы нашъ посланникъ былъ отозванъ изъ Рима.

Окончательнымъ разрывомъ послужили поступки самого папы, которыми воспользовался Н. А. Милютинъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ Петербургскимъ кабинетомъ курія, не стѣсняясь, прибѣгала къ устрашенію, грозя возвѣстить всему свѣту рядъ притѣсненій, которымъ якобы подвергается римско-католическая церковь въ Россіи... На это князь Горчаковъ отвѣчалъ: „Совѣсть Нашего Августѣйшаго Государя снимаетъ съ него нареканіе, будто онъ намѣренъ притѣснять католическую вѣру. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ждать исполненія угрозы, которою заключается меморандумъ кардинала Антонелли“.

15-го декабря 1865 года на аудіенціи у папы, когда русскій повѣренный въ дѣлахъ баронъ Мейендорфъ на жалобы его свѣтѣйшества отвѣтилъ, что въ Польшѣ католицизмъ самъ отождествлялъ себя съ революціей, папа въ гнѣвѣ воскликнулъ: „я уважаю и почитаю Его Величество Императора, но не могу сказать того же о его повѣренномъ въ дѣлахъ, который, конечно, въ противность его воли, оскорбляетъ меня въ собственномъ моемъ кабинетѣ“.

Послѣдствіемъ этой сцены было приказаніе Мейендорфу объявить кардиналу-государственному секретарю, что въ виду словъ, сказанныхъ ему папою, его политическая миссія окончена, такъ какъ Государь Императоръ не можетъ оставить при Св. престолѣ представителя интересовъ Россіи, достоинство котораго не ограждено отъ враждебныхъ посягательствъ. Кардиналъ Антонелли отвѣчалъ, что со дня заявленія барона Мейендорфа и Римскій дворъ не признаетъ болѣе существованія Русской миссіи; что если папа не прислалъ ему еще паспорта для выѣзда, то потому только, что зналъ о намѣреніи его въ скоромъ времени оставить Римъ; что папа не приметъ назначеннаго Русскимъ дворомъ его преемника. Для окончанія этого вопроса князь Горчаковъ заявилъ: „въ виду того, что папа принялъ починъ разрыва, Государь Императоръ отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія“.

Николай Алексѣевичъ воспользовался этимъ, чтобы навсегда покончить съ конкордатомъ.

Въ концѣ 1866 г. въ совѣщаніи по этому поводу онъ такъ горячо отстаивалъ свою идею, что конкордаты 27 ноября 1866 года былъ уничтоженъ, но за то горячій споръ его стоилъ ему его жизни. По возвращеніи изъ засѣданія, съ нимъ сдѣлался ударъ, лишившій Россію умнаго, талантливаго и энергическаго русскаго государственнаго дѣятеля.

Со смертью Н. А. Милютина оставилъ свой постъ въ Царствѣ Польскомъ и ближайшій его сотрудникъ князь Черкасскій. Тогда въ русскомъ обществѣ возникли опасенія и нѣкоторое безпокойство. Явилось сомнѣніе и опасенія, что всѣ труды Милютина пропадутъ вслѣдствіе неустойчивости и постояннаго колебанія русской политики. Это настолько волновало русское общество, что правительство нашло необходимымъ заявить какъ въ Россіи, такъ и за границею, что не намѣрено измѣнять свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ и Сѣверо-Западнаго края, который долженъ сдѣлаться тѣмъ, что сдѣлала его исторія, то-есть существенно русскимъ, гдѣ народный православный элементъ, образуя громадное большинство населенія, долженъ пріобрѣсти принадлежащее ему преобладаніе.

Что касается до Царства Польскаго, то коренныя реформы, сдѣланныя Милютинымъ, не пропали; онѣ оставили глубокій слѣдъ и совершенно преобразовали администрацію Польши.

Выше уже сказано было, что до него былъ уже утвержденъ проектъ маркиза Велепольскаго, на основаніи котораго Польша получала свой Государственный Совѣтъ и совершенно самостоятельныя управленія, независимыя отъ русскаго правительства. Отъ этой фан-

тази́н маркиза Велепольскаго, который держалъ въ своихъ рукахъ всѣхъ бывшихъ намѣстниковъ Царства Польскаго, не осталось и слѣда. По проекту Милютина совершилось полное слияніе отдѣльных частей управленія въ Польшѣ съ соотвѣтственными учрежденіями остальной Россіи. Такъ, вопреки проекту Велепольскаго, не осуществился польскій Государственный Совѣтъ; финансовыя дѣла перешли въ завѣдываніе министра финансовъ имперіи, почтовая часть въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а вмѣсто пяти прежнихъ губерній было образовано десять. Это сдѣлано было, какъ говорилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, для того, чтобы губернаторъ могъ чуть не каждаго помѣщика знать лично.

Къ сожалѣнію, послѣ Муравьева и Кауфмана не нашлось, или, лучше сказать, не желали найти достойныхъ имъ преемниковъ, почему въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ, гдѣ дѣломъ руководили Потаповъ и Безакъ, русскіе люди и русское дѣло не въ авантажѣ обрѣтались.

Каракозовскій выстрѣлъ 4-го апрѣля 1866 года взволновалъ всю Россію, онъ показалъ слабость администраціи какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Все общество встрепенулось и во всеуслышаніе заявляло, что необходимо принять крутыя мѣры и изслѣдовать подробности этого гнуснаго покушенія на Царя-Освободителя. Конечно, для этого дѣла нуженъ былъ человекъ независимый, съ непреклонною волею и неутомимою энергіею. Искали и остановились на человекѣ, котораго еще такъ недавно поносили, на котораго еще вчера только сыпались клеветы всякаго рода и однимъ котораго приводило въ ярость придворную партію, среди которой видныя мѣста занимали князь Суворовъ, графъ Шуваловъ и Валуевъ и другіе. Нельзя сказать, чтобы эти господа, долженствовавшіе, какъ государственные дѣятели, имѣть въ виду только интересы правительства, были солидарны между собою. Напротивъ, солидарность ихъ выражалась только въ ненависти къ Муравьеву.

Можно себѣ представить, каково было ихъ положеніе, когда председателемъ слѣдственной комиссіи былъ назначенъ тотъ самый Муравьевъ, котораго они почти наканунѣ только съ величайшими усиліями успѣли одолѣть, заставивъ его оставить Сѣверо-Западный край. Не было никакого сомнѣнія, что онъ не остановится ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, чтобы только радикально изслѣдовать дѣло, которое касалось весьма многихъ высокопоставленныхъ.

И дѣйствительно началось нѣчто въ родѣ чистки. Прежде всѣхъ ушелъ самъ шефъ корпуса жандармовъ князь Долгоруковъ, настойчиво заявивъ Государю, что онъ не можетъ оставаться на своемъ

мѣстѣ, если не сумѣлъ уберечь своего Государя. Но, къ сожалѣнію, на свое мѣсто онъ рекомендовалъ графа П. А. Шувалова, который сталъ такимъ полновластнымъ хозяиномъ въ Россіи, что получилъ даже названіе Петра IV-го.

Но если для князя Долгорукова была трагедія, то князь Суворовъ сыгралъ большую комическую роль, которую князь Мещерскій описалъ весьма подробно и ярко изобразилъ характеръ государственнаго дѣятеля, когда-то бывшаго на отвѣтственномъ посту генераль-губернатора Остзейскаго края. Какую пользу для Россіи могъ принести подобный генераль-губернаторъ? Если дѣдъ князя Суворова выкидывалъ разные фарсы, будучи въ то же время непобѣдимымъ фельдмаршаломъ, то выходки его всегда имѣли какую-нибудь цѣль, и съ выходками этими должны были часто считаться люди, весьма высоко стоящіе. Совсѣмъ не то изображалъ изъ себя внукъ свѣтлѣйшаго. По словамъ князя Мещерскаго, близко стоящаго ко двору, онъ такъ описываетъ поведеніе Суворова послѣ покушенія Каракозова.

„Казалось бы, послѣ покушенія ему слѣдовало быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими при дворѣ; дѣйствительно, ему нельзя было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ будто объ этомъ и не подумалъ. Онъ явился во дворецъ разыгрывать комедію сентиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ, онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному, говоря по-французски: „вы всѣ веселитесь о спасеніи Государя, а я одинъ плачу, я, генераль-губернаторъ“. Съ такими же слезами онъ предсталъ предъ Государемъ Императоромъ и Государынею и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паѳосомъ про свою любовь къ Государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями императорскихъ особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-фрау Императрицы, и цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрно-подданническія чувства. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ Государю и къ Императрицѣ говорить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только этого и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодованіемъ къ нему общественнаго мнѣнія, онъ въ царскихъ

ложахъ въ театрахъ въ присутствіи Государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: „ругайте сколько хотите, а я все-таки генераль-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ“.

И такъ противъ Муравьева образовалась цѣлая клика, изъ Шувалова, Валуева, Суворова и многихъ другихъ, не терпѣвшихъ даже имени его. Но случилось такъ, какъ это всегда бываетъ на Руси съ лицами, руководящими судьбами Россіи, что всѣ они задались не интересами Государя, а своими личными цѣлями, чтобы, пользуясь событіями, подставляя другъ-другу ножку. Общаго же между ними, кромѣ вражды къ Муравьеву, ничего не было. Только въ этомъ и сходились всѣ трое: Суворовъ, Шуваловъ и Валуевъ; въ остальномъ получался винегретъ, ибо графъ Шуваловъ былъ противъ Суворова, Суворовъ противъ Муравьева и Шувалова, а Муравьевъ противъ Шувалова и Валуева.

„Назначеніе графа Шувалова шефомъ жандармовъ, говоритъ князь Мещерскій, разсердило князя Суворова только потому, что послѣдній съ элегантною и тонкою своею манерою его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрить въ сумашествіи отъ бѣшенства; до того его поступки стали непристойны, по ребяческой злобѣ и по безтактности“.

„Такъ напримѣръ: онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушали Муравьева и не исполняли его требованій“.

Помогая графу Шувалову дѣйствовать противъ Муравьева, князь Суворовъ никакъ не подозрѣвалъ, что его союзникъ готовитъ ему совершенно неожиданный сюрпризъ. Вскорѣ послѣ своего назначенія шефомъ жандармовъ, графъ Шуваловъ сталъ указывать Государю на постъ Суворова, какъ совершенно лишній для Петербурга. Въ этомъ случаѣ много помогло Шувалову то обстоятельство, что розыски Муравьевской комиссіи показали, что канцелярія генераль-губернатора была до нѣкоторой степени убѣжищемъ для многихъ скомпрометтированныхъ лицъ.

Цѣль графа Шувалова чрезъ нѣкоторое время была достигнута, а князь Суворовъ неожиданно для него самого съ царскою благодарностью получилъ небывалое назначеніе генераль-инспектора всей пѣхоты; самое же генераль-губернаторство въ Петербургѣ было упразднено.

Этотъ сюрпризъ, поднесенный единомышленникомъ, до такой степени поразилъ князя Суворова, что трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ, приближенный ко двору, повсюду, еще сегодня

кричавшій о своей преданности, на завтра оказался только комедіантомъ. Имъ по полученіи извѣщенія овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ Государю, и, выйдя изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного прійти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и Государя и ѣдетъ въ свое Новгородское имѣніе, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ I ¹⁾.

Вмѣстѣ съ Суворовымъ ушли министръ народнаго просвѣщенія Головинъ и оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, вмѣстѣ которыхъ Шуваловымъ былъ взятъ Треповъ. Съ этими переменами вся правительственная власть перешла въ руки дуумвирата, Шувалова и Валуева, продолжавшаяся до удаленія послѣдняго, скрывавшаго отъ Государя голодъ въ Россіи и изобличеннаго наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ. Съ замѣною Валуева Тимашевымъ Россія ничего не могла выиграть, ибо ни Шуваловъ, ни Тимашевъ, въ особенности первый, развѣ только на картѣ могли показать мѣсто, занимаемое Россіею, а далѣе, воспитанные на французскомъ языкѣ и не имѣющіе никакого понятія о пользахъ и нуждахъ Россіи, могли только вредить ей.

До какой степени была непримирима вражда между Муравьевымъ и Шуваловымъ, можетъ служить тотъ фактъ, что оба они совершенно нечаянно обнаружили свои взаимныя отношенія передъ двумя такими маленькими въ сравненіи съ ними личностями, какъ дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи Переяславцевъ и я, бывшій въ то время только полковникомъ.

— Сегодня я видѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ Муравьева, — сказалъ мнѣ при моемъ докладѣ Дмитрій Алексѣевичъ; онъ сказалъ мнѣ, что все, что будетъ подлежать обнародованію по дѣлу Каракозова, онъ будетъ тотчасъ же сообщать для „Русскаго Инвалида“. Позаботьтесь, чтобы не было какихъ-нибудь недоразумѣній. Вамъ было бы не лишнее повидаться съ нимъ.

— Онъ нѣсколько знаетъ меня; когда я былъ въ Могилевѣ, то по дѣламъ неоднократно мнѣ приходилось въ Вильнѣ получать разныя приказанія непосредственно отъ него — сказалъ я. — Но во всякомъ случаѣ, я ему представляюсь завтра же.

— Вамъ, конечно, передалъ Дмитрій Алексѣевичъ мое желаніе на счетъ печатанія въ газетѣ слѣдствія о преступномъ дѣлѣ? — спросилъ меня Муравьевъ, когда я къ нему явился.

¹⁾ Князь Мещерскій.

— Да, Ваше Сіятельство, я получилъ уже приказаніе.

— Ну, такъ когда будетъ нужно, я дамъ знать, а теперь я ничего не могу сказать; ждите моихъ приказаній.

И вотъ отъ времени до времени я являлся въ III отдѣленіе и просиживалъ въ пріемной комнатѣ, ожидая статьи для газеты. Сидѣлъ по большей части напрасно, потому что не послѣ cadaго засѣданія посылалъ Муравьевъ свѣдѣнія для газеты. Наконецъ насталъ послѣдній день, когда Муравьевъ занимался одинъ съ дѣлопроизводителемъ комиссія оберъ-аудиторомъ Переяславцевымъ. Это было днемъ, если не ошибаюсь, часовъ около трехъ или четырехъ, когда Муравьевъ позвалъ меня.

— Я сейчасъ уѣзжаю, а вы останьтесь здѣсь, и какъ только онъ кончитъ,—при чемъ указалъ на Переяславцева, то вы тотчасъ же получите отъ него бумагу и привезете ко мнѣ. И знайте, полковникъ, что никто не долженъ видѣть ее; вы меня понимаете?—добавилъ онъ своимъ мягкимъ, но внушительнымъ голосомъ.

— Ваше Сіятельство, можете быть увѣрены, что ваше приказаніе будетъ въ точности исполнено.

Вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ.

По отъѣздѣ Муравьева, я остался въ той же залѣ, гдѣ писалъ Переяславцевъ, и при томъ, видя, какую важность Муравьевъ придавалъ этой бумагѣ, я сѣлъ какъ можно дальше и во все время писанія не проронилъ ни одного слова.

Черезъ нѣсколько минутъ къ столу Переяславцева подошелъ Мезенцевъ и что-то началъ вполголоса говорить, а Переяславцевъ, съ нѣкоторыми жестами что-то возражать. Вслѣдъ затѣмъ Мезенцевъ ушелъ.

Меня очень подмывало любопытство, но я, конечно, ни слова не сказалъ и не спросилъ у Переяславцева о предметѣ его разговора съ Мезенцевымъ. Но секретъ этотъ открылся самъ собою.

Едва только Переяславцевъ окончилъ писать и готовъ былъ передать мнѣ пакетъ, какъ вошелъ Мезенцевъ, и, обратясь ко мнѣ, довольно рѣшительно сказалъ:

— Графъ Шуваловъ желаетъ предварительно прочесть.

— Но, Ваше Превосходительство, я получилъ категорическое и весьма строгое приказаніе графа Муравьева доставить непосредственно ему эту бумагу, минуя чьи бы то ни было руки.

Тогда Мезенцевъ, очевидно недовольный тою ролью, которую долженъ былъ сыграть по приказанію Шувалова передъ чиновникомъ и полковникомъ, маленькими людьми, случайно оказавшимися слушниками всемогущаго временщика, махнулъ рукой и удалился, а я тотчасъ же отправился къ Муравьеву.

Графа Муравьева я нашелъ уже послѣ его обѣда; онъ курилъ трубку и бесѣдовалъ съ Черевинымъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ну что, полковникъ, никто не смотрѣлъ бумагу?—спросилъ онъ меня, едва я протянулъ руку, чтобы передать ему пакетъ.

— Никто, ваше сіятельство, ваше приказаніе было исполнено въ точности.

— А графъ Шуваловъ?

Признаюсь, я былъ очень радъ, что Муравьевъ такъ поставилъ этотъ весьма щекотливый для меня вопросъ, на который я смѣло могъ правдиво отвѣчать.

— И графу Шувалову неизвѣстно содержаніе бумаги.

Такъ какъ графъ Муравьевъ ничего болѣе меня не спрашивалъ, то я былъ очень радъ, что для меня не имѣлось вовсе надобности рассказывать о попыткахъ Шувалова узнать о содержаніи, какъ это выяснится ниже, окончательнаго вывода слѣдственнаго дѣла, составленнаго Муравьевымъ.

— Сегодня вы должны быть вечеромъ въ III отдѣленіи; я думаю, что это будетъ послѣдній разъ. Прощайте.

Въ тотъ же вечеръ я, конечно, явился въ пріемную и часа два сидѣлъ, какъ около 10 или 11 часовъ появился тутъ же дежурный флигель-адъютантъ Кавелинъ, о которомъ тотчасъ же доложили Муравьеву.

— Вотъ, полковникъ, возьмите, — сказалъ онъ мнѣ, передавая пакетъ,—и поѣзжайте съ флигель-адъютантомъ во дворецъ, я буду ждать вашего возвращенія.

Сѣлъ я съ Кавелинымъ въ дежурный флигель-адъютантскій экипажъ и помчался ко дворцу. Дойдя по корридору до царскаго кабинета, я, будучи въ сюртукѣ и никакъ не ожидая призыва въ кабинетъ, передалъ пакетъ Кавелину, а самъ остался въ корридорѣ. Но Кавелинъ тотчасъ же вышелъ изъ кабинета и показалъ мнѣ, чтобы я вошелъ въ кабинетъ. Войдя въ него, я, чтобы заявить, что приказаніе Государя исполнено, щелкнулъ шпорами и остановился у дверей. Государь сидѣлъ спиною ко мнѣ за письменнымъ столомъ и читалъ присланное Муравьевымъ донесеніе. Не обративъ, конечно, никакого вниманія на меня, онъ, окончивъ чтеніе и не оборачиваясь ко мнѣ, протянулъ руку съ бумагою, сказавъ:—отдай Муравьеву.—Щелкнувъ вторично шпорами, я удалился. Не найдя Кавелина, вѣроятно удалившагося уже въ дежурную комнату, обратно я за отсутствіемъ извозчиковъ у Зимняго Дворца, большую часть дороги шелъ пѣшкомъ, чѣмъ задержалъ Муравьева, который, просмотрѣвъ бумагу, отдалъ ее мнѣ, сказавъ:

— Печатайте, полковникъ.

Это было въ послѣдній разъ, что я видѣлъ Муравьева.

Муравьевъ вѣшатель, муравьевскій галстукъ (т. е. висѣлица),— вотъ эпитеты, сыплющіеся на память человѣка, который вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ отстаивалъ для Россіи Сѣверо-Западный край и Польшу. Припомнимъ, что говорила Муравьеву покойная Императрица Марія Александровна, принимая его передъ отправленіемъ въ Сѣверо-Западный край. Это была Императрица вполнѣ русская, интересы которой были нераздѣльно связаны съ интересами Россіи и съ интересами ея супруга Царя-Освободителя. Видя отчаянное положеніе дѣла въ Польшѣ и не рассчитывая сохранить ее, она просила Муравьева отстоять для Россіи хотя этотъ край. И Муравьевъ это сдѣлалъ. Не взирая ни на придворныя интриги, ни на клеветы, онъ твердо и безбоязненно шелъ своею дорогою, побивая польскую крамолу и освобождая русское населеніе отъ польскаго рабства. Не его вина, что мы, по истеченіи 47 лѣтъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ видимъ то же преобладаніе поляковъ надъ русскими, тѣ же преслѣдованія литовцевъ и бѣлоруссовъ поляками, то же глумленіе надъ православіемъ среди воинствующаго католицизма.

Муравьевъ, правда, вѣшалъ, кого слѣдовало, но, уничтожая мятежь, онъ въ то же время принималъ органическія мѣры, которыя въ его управленіи дали вздохнуть отъ панскихъ и католическихъ обидъ, какъ католическому, такъ и православному населенію. Если бы безъ всякихъ висѣлицъ, въ которыхъ никто уже не нуждался, была продолжена его система, а не система Потаповская, Валуевыхъ и прочихъ господъ, то теперь не пришлось бы говорить въ Государственной Думѣ о забытыхъ поляками русскихъ, которые донинѣ продолжаютъ слезно молить не отдавать ихъ въ жертву полякамъ и полякующимъ русскимъ.

Что касается жестокости Муравьева, то всѣхъ потерпѣвшихъ за его время было 9.361 человѣкъ, изъ которыхъ:

Подвергнуто смертной казни	128
Сослано въ Сибирь	972
Поселены въ Сибиря	1.427
Отдано въ солдаты	348
Отданы въ арестантскія роты	864
Отправлено во внутреннія губерніи	1.529
Переселено на казенныя земли во внутреннія губерніи	4.096
Всего	9.361
Помилованы	9.229

Во Франціи послѣ іюньскаго возмущенія:

изгнано изъ Франціи	44.000 чел.
передано военному суду	253 „
сослано въ Алжиръ	12.000 чел.

Переворотъ 1851 года, по свидѣтельству Гранье де-Касаньяка, стоилъ:

ссылки въ Африку и Кайену	26.000 чел.
однихъ депутатовъ	66 „

Ассигновано на перевозку 4 мил. 200 тыс. франковъ.

Въ ложной характеристикѣ Муравьева не лишнимъ будетъ привести рассказъ, недавно напечатанный въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Рассказывается, какъ будто однажды онъ издалъ какое-то циркулярное распоряженіе, которое противорѣчило законамъ и было составлено въ его канцеляріи по какому-то недоразумѣнію, а имъ лично принято на вѣру и подписано. Всѣ уѣздные начальники, конечно, безъ всякихъ разсужденій принялись исполнять приказаніе, кромѣ одного Яновскаго, который дерзнулъ вернуть предписаніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ онъ считаетъ себя въ правѣ не исполнять приказанія грознаго генералъ-губернатора.

И вотъ по поводу этого случая происходитъ такая театральная сцена. Онъ, человѣкъ дѣла, не спящій по ночамъ, понуждающій всѣхъ подчиненныхъ къ скорой работѣ, вдругъ ради какого-то Яновскаго, отрываетъ отъ работы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ, созываетъ ихъ всѣхъ въ Вильну и выступаетъ передъ ними въ роли актера дурного тона.

— Какъ вы думаете, господа: можно ли не исполнять моихъ приказаній и ослушаться меня?

Разумѣется, всѣ молчатъ, но, собравшись съ силами, говорятъ, что нельзя не исполнять.

Муравьевъ усмѣхнулся и разыгралъ слѣдующую сцену:

— Ну, такъ я вамъ покажу человѣка, который рѣшился на это. Всѣ молчали, и только каждый въ отдѣльности думалъ:

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы этимъ дерзновеннымъ человѣкомъ оказался не я, а кто-нибудь другой.

— Полковникъ Яновскій,—громко сказалъ Муравьевъ.

Тотъ вышелъ впередъ. Это былъ высокій сѣдой мужчина, спокойно и съ сознаніемъ собственного достоинства смотрѣвшій прямо въ глаза Муравьеву.

— Вотъ онъ,—сказаль Муравьевъ: полюбуйтесь.

— Ну, а какъ мнѣ нужно поступить съ нимъ по-вашему?

Уѣздные начальники облегченно вздохнули; горькая чаша ми-нула ихъ, виновный найденъ, пусть онъ и несетъ кару за свою продерзость.

— Вы молчите? Вы не знаете? Ну, такъ я вамъ скажу. Полковникъ Яновскій, вашу руку; и съ этими словами Муравьевъ жметъ ему руку. Вотъ какъ я поступаю съ такими служаками. Благодарю васъ, полковникъ. Вы указали мнѣ на мою ошибку; ошибаться всякій смертный можетъ, вы не побоялись этого сдѣлать, вы истинный слуга Царю и Отечеству и бережете свое начальство, вотъ какъ надо служить, господа.

Всякій, сколько-нибудь не только знавшій Муравьева, но только слышавшій о немъ, прочтетъ этотъ анекдотъ съ улыбкою. Какимъ это образомъ старый полковникъ не понималъ положенія Муравьева и не имѣлъ никакого понятія о значеніи диктаторской его власти; какъ это онъ, оберегая Муравьева, говоритъ о законныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ? Въ то время была только одна законная власть — это судебная, все остальное было внѣ закона и зависѣло исключительно отъ Муравьева, которому Высочайшая власть давала право жизни и смерти; почему всякое его приказаніе подлежало немедленному и точному исполненію безъ всякихъ разсужденій. По характеру же своему онъ неспособенъ былъ разыграть подобный фарсъ съ уѣздными начальниками.

Во время польскаго возстанія было едва-ли только не три газеты, которыя горячо стояли за русское дѣло: „Московскія Вѣдомости“, московская газета „День“ и потомъ „Парусъ“ и „Русскій Инвалидъ“. Но всѣ эти газеты, кромѣ „Инвалида“, жестоко платились за свой патріотизмъ, получая отъ Валуева предостереженіе и, наконецъ, полное запрещеніе своихъ изданій. Даже „Московскія Вѣдомости“ могли продолжать свое существованіе благодаря Императору Александру II. Что же касается „Русскаго Инвалида“, то онъ, продолжая свое независимое существованіе, былъ постоянно въ газетѣ „Вѣсть“, поддерживаемой Валуевымъ, обвиняемъ во всѣхъ возможныхъ революціонныхъ преступленіяхъ: то „Инвалидъ“ возбуждалъ крестьянъ, пропагандируя Стеньку Разина, то газета волновала Остзейскій край, возбуждая латышей противъ бароновъ, то, наконецъ, она, не сочувствуя полякамъ, одобряла муравьевскія мѣры, принятыя имъ для успокоенія Сѣверо-Западнаго края.

Однако, не настало еще время закрыть „Русскій Инвалидъ“, и онъ не только продолжалъ свое существованіе, но даже нѣсколько расширилъ свою программу.

Занятый съ утра до поздней ночи работою, Дмитрій Алексѣвичъ одинъ день въ недѣлю, воскресенье, посвящалъ отдыху, собирая вечеромъ своихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ я болѣе часто встрѣчалъ: К. К. Грота, К. Д. Кавелина, Е. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Е. М. Теокистова, Н. Н. Обручева, сестру Дмитрія Алексѣевича, Марію Алексѣевну, и каждый разъ И. П. Арапетова.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ помѣщенія въ „Русскомъ Инвалидѣ“ статьи Гильфердинга о польскомъ вопросѣ, кто-то изъ бесѣдовавшихъ сказалъ:

— Все это очень хорошо, но жалко только, что всѣ серьезные доводы и разъясненія польскаго вопроса вліяютъ на не многочисленную публику. Статьи подобнаго рода должны быть пущены въ большомъ числѣ въ народъ, а для заграничной публики на иностранныхъ языкахъ.

— Статьи Гильфердинга и Кояловича дѣйствительно заслуживаютъ перевода на иностранные языки,—сказалъ Дмитрій Алексѣвичъ. А какъ вы, Сергѣй Павловичъ, справитесь съ этимъ дѣломъ?

— Справиться не трудно, но на это нужны средства, которыхъ нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

При прощаніи министръ, однако, вторично сказалъ: „Такъ вы подумайте, Сергѣй Павловичъ, о нашемъ разговорѣ“.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось быть у министра, который встрѣтилъ меня словами:

— Я говорилъ съ Государемъ по поводу нашего разговора въ воскресенье, и онъ одобрилъ наше предположеніе. Заготовьте докладъ.

Докладъ этотъ былъ слѣдующаго содержания:

„Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ быть важно развивать въ обществѣ вѣрныя и здравыя понятія о польскомъ вопросѣ, о характерѣ польскихъ стремленій, въ прошедшемъ и настоящемъ и объ образѣ дѣйствій польской революціонной пропаганды.

Извѣстно, что польская партія тратитъ огромныя средства на то, чтобы привлечь на свою сторону всѣ органы общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ, и что она организовала цѣлую, такъ сказать, фабрику извѣстій и статей, въ которыхъ на Россію изливаютъ потоки самой отвратительной клеветы. Замѣчательное нынѣ на западѣ раздраженіе противъ насъ по случаю польскихъ дѣлъ, очевидно, должно быть въ значительной степени приписано вліянію печати, сдѣлавшейся во Франціи и Англии орудіемъ въ рукахъ поляковъ.

Нельзя не желать, чтобы Россія, по возможности, противодѣй-

ствовала этимъ усилямъ польской революціонной партіи. Въ последнее время въ нашихъ газетахъ и журналахъ, особенно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Днѣ“, стали появляться довольно удачныя статьи, представляющія польскій вопросъ въ его истинномъ свѣтѣ. Но, къ сожалѣнію, все, что печатается у насъ по этому предмету, не находитъ переводчиковъ на иностранныя языки и остается неизвѣстнымъ Западной Европѣ, которая слышитъ, такимъ образомъ, лишь польскіе голоса въ русско-польскомъ спорѣ.

Необходимо постараться, чтобы это крайне невыгодное для насъ положеніе дѣла было, по возможности, устранено посредствомъ обнародованія въ Европѣ, какъ оригинальныхъ статей на иностранныхъ языкахъ по польскимъ дѣламъ, такъ и переводовъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отношеніи произведеній русской печати. Независимо отъ сего, нужно было бы доставлять въ наши газеты возможно большее количество статей для разъясненія польскаго вопроса и распространять въ публикѣ, посредствомъ особыхъ книгъ и брошюръ, вѣрныя и основательныя свѣдѣнія, какъ объ историческихъ и этнографическихъ отношеніяхъ Польши и Западнаго края, такъ и объ остальныхъ потребностяхъ этого края, въ видахъ освобожденія тамъ русской народности отъ ига польскаго меньшинства.

Нельзя не думать, что при вѣкоторомъ сосредоточеніи и направленіи дѣла, подобнаго рода литературная дѣятельность могла бы получить болѣе обширныя размѣры и оказать намъ истинныя услуги. Для успѣха же такого предпріятія необходимо оказать ему извѣстное матеріальное пособіе, нужное для печатанія и вознагражденія авторовъ. Но въ то же время въ видахъ успѣха такого предпріятія надобно желать, чтобы участіе правительства въ этомъ случаѣ оставалось совершенно неизвѣстнымъ.

Если бы Ваше Императорское Величество соизволили одобрить высказанныя мысли, то на первый разъ было бы достаточно отпустить изъ государственнаго казначейства 10-ти тыс. рублей на извѣстное Вашему Императорскому Величеству употребленіе съ тѣмъ: 1-е, чтобы сумма эта расходовалась на печатаніе оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій и статей по польскому вопросу, на вознагражденіе авторовъ и переводчиковъ и издержки на распространеніе сочиненій; 2-е, чтобы выручка отъ продажи была назначаемая частью на изданіе новыхъ трудовъ по тому же предмету, частью же въ пользу авторовъ; и 3-е, отчеты въ употребленіи означенныхъ денегъ представлялись бы лично на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества“.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Предположеніе это Высочайше одобрено и разрѣшено отпустить изъ государственнаго казначейства 10 тыс. рублей въ непосредственное мое распоряженіе на извѣстное Его Величеству употребленіе, о чемъ министръ финансовъ уже предварень“. 19-го іюня 1868 г.

Получивъ такое разрѣшеніе, редація для скорѣйшаго исполненія рѣшила издать отдѣльными брошюрами на русскомъ языкѣ слѣдующія статьи Гильфердинга, Кояловича и другихъ, уже напечатанныя въ „Русскомъ Инвалидѣ“:

1. За что борются русскіе съ поляками.
2. Князь Владиміръ Мономахъ и казакъ Богданъ Хмѣльницкій.
3. Встрѣча народности въ Западной Россіи съ русскою государственною и великорусскою народностью, по поводу народныхъ карауловъ въ Западной Россіи.

4. По поводу польскаго вопроса.

5. Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу.

Вслѣдъ затѣмъ были изданы отдѣльными брошюрами:

1. Люблинская унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., Кояловича.

2. Переводъ 3 т. Лелевеля, сдѣланный, подъ наблюденіемъ Гильфердинга, Кропотовымъ и Бобровскимъ.

3. Кіевъ, Москва и Варшава или повѣствованіе о кровной и кровавой связи Великой Руси съ Польшею чрезъ Малую Русь и Литву,—Разина.

Затѣмъ на иностранныхъ языкахъ были изданы слѣдующія брошюры:

Гильфердинга — *The polish question or an appeal to the good sense of english men by a russian*, англичанина Дейса—*The polish question and general Mouravieff by an englishman* и, наконецъ, Обручева—*La restauration de la Pologne appréciée au point de vue de la science historique et ethnographique*.

Но изданіе брошюръ на иностранныхъ языкахъ не достигало вполне своей цѣли. Было бы болѣе желательнымъ имѣть какой-нибудь періодическій органъ на иностранныхъ языкахъ, съ цѣлью, чтобы имъ пользовались заграничныя газеты. Услуги свои для этой цѣли предложилъ нѣкто баронъ Кене, служившій по придворному вѣдомству, если не ошибаюсь, въ Эрмитажѣ. По этому поводу онъ доставилъ въ редакцію слѣдующую записку ¹⁾:

¹⁾ Оригиналъ на французскомъ языкѣ.

„Общественное мнѣніе есть самое могущественное орудіе. Но общественнымъ мнѣніемъ руководить пресса.

Пресса не безгрѣшна; многіе изъ ея органовъ основаны на спекуляціи. Слѣдовательно, въ этихъ газетахъ можетъ появиться всякое сообщеніе, если оно будетъ оплачено; этимъ именно путемъ злонамѣренные люди успѣли возбудить противъ Россіи всю Европу.

Это всеобщее возбужденіе противъ Россіи было весьма опасно: Франція едва не воспользовалась этимъ, чтобы объявить намъ войну въ то время, когда мы не были подготовлены къ ней, и когда Англія, со своей стороны, едва не была вовлечена въ эту войну.

Правда, возбужденіе это было вызвано исключительно клеветой и ложью, совершенно не соответствующими истинѣ. Но вѣрно и то, что правда только тогда имѣетъ значеніе, когда ее высказываютъ и распространяютъ ее.

Подмѣтивъ это возбужденіе заграничной прессы еще въ 1861 г., когда оно производило, къ ущербу Россіи, неблагоприятное впечатлѣніе на публику, я предложилъ одному изъ нашихъ высшихъ сановниковъ подыскать въ Англіи и во Франціи надежныхъ и искусныхъ агентовъ, чтобы отражать удары, наносимые намъ нашими врагами, и распространить истину относительно Россіи и нашего правительства. Но въ то время дѣло это не устроилось.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе зимы 1862—1863 гг., когда положеніе было опасное, я счелъ долгомъ сдѣлать все возможное, чтобы защитить правительство на страницахъ: „Morning Herald“ и „Evening Herald“, „Standard“, „Kreuz-Zeitung“ и прочихъ газетъ и просилъ кое-кого изъ родныхъ и друзей помочь мнѣ, но, дѣйствуя одинъ и при томъ, какъ частный человѣкъ, я не могъ многого сдѣлать, тогда какъ болѣе энергичное давленіе на прессу, при поддержкѣ со стороны правительства, могло бы значительно повліять на общественное мнѣніе за границею и избавило бы насъ отъ затраты милліоновъ на поспѣшное укрѣпленіе Кронштадта и приготовленія ко всѣмъ случайностямъ войны, которая угрожала намъ весною.

Я предложилъ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ свои услуги и свою опытность, чтобы повліять на иностранную прессу, но лишь въ іюль мѣсяцѣ 1863 года на меня было возложено порученіе сдѣлать то, что я считалъ нужнымъ и полезнымъ сдѣлать еще зимою.

Мнѣ было поручено:

1) Подыскать возможно большее число органовъ печати, всевозможныхъ оттѣнковъ, а именно: консервативныхъ, либеральныхъ, клерикальныхъ, демократическихъ и т. п. газетъ, которыя могли бы служить намъ;

- 2) Приглашать надежныхъ и искусныхъ агентовъ; и
- 3) Организовать корреспонденцію, съ небольшими затратами газетъ.

Вслѣдствіе этого я посѣтилъ Германію, Англію, Бельгію, Францію, Женеву и часть Италіи, повидался болѣе чѣмъ съ двѣнадцатю корреспондентами и условился съ ними; всѣ они, по большей части друзья и родственники, которые почти безвозмездно распространяють правду о Россіи. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, я написалъ одинъ 167 статей и замѣтокъ, которыя всѣ были напечатаны въ различныхъ газетахъ, предоставившихъ свои столбцы къ нашимъ услугамъ.

Надобно сознаться откровенно, что мнѣ пришлось, за весьма немногими исключеніями, преодолѣть огромныя препятствія, такъ какъ общественное мнѣніе было уже до того возбуждено противъ Россіи, что приходилось нерѣдко пускаться въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить самыхъ почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей въ томъ, что въ Россіи нѣтъ ни анархіи, ни возстанія, что поляки не что иное, какъ неблагодарные мятежники и что Государь Императоръ не только не тиранъ, но, напротивъ того, монархъ самый благожелательный, самый справедливый и самый великодушный въ мірѣ.

Наиболѣе благопріятныя результаты достигнуты мною благодаря личному свиданію съ тѣми лицами, кои намъ нужны; эти свиданія должны бы повторяться время отъ времени, для того, чтобы въ изустной бесѣдѣ освѣдомлять нашихъ агентовъ о томъ, что дѣлается въ Россіи и, чтобы они могли дѣйствовать въ нашу пользу по убѣжденію.

Вырѣзки изъ написанныхъ мною статей находятся, частью въ прилагаемыхъ при семъ бумагахъ; я не имѣлъ возможности получить ихъ полностью.

Не легко было добиться того, чтобы всѣ эти статьи были напечатаны. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы быть напечатанными во французскихъ и итальянскихъ газетахъ, должны были появиться сначала въ Англии; другія могли быть помѣщены въ англійскихъ газетахъ лишь какъ перепечатки изъ нѣмецкихъ газетъ. Словомъ, пришлось преодолѣть бездну затрудненій. Надобно быть лично знакомымъ съ „тиранами“ заграничной прессы, чтобы снискать ихъ довѣріе и пользоваться ихъ газетами. Мнѣ извѣстно, что литографированная корреспонденція, которую попытались вести помимо меня, не имѣла ни малѣйшаго успѣха.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, я предоставилъ всѣ данныя и всѣ необходимые документы въ распоряженіе того лица, ко-

торое возложило на меня эту миссію, и такъ какъ мнѣ было сказано, что мнѣ не придется болѣе этимъ заниматься, то я считаю свою миссію законченной.

Между тѣмъ, я узнаю отъ друзей, которые служили мнѣ посредниками, что организованная мною корреспонденція совершенно прекратилась, и такъ какъ я глубоко убѣжденъ въ необходимости освѣдомлять по-прежнему иностранную прессу о Россіи, то я съ величайшей готовностью предложилъ свои услуги Его Превосходительству г. военному министру, которому пришла счастливая мысль использовать „Русскій Инвалидъ“ въ качествѣ органа, служащаго посредникомъ между Россією и иностранною прессою.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы прекратить завязанныя мною сношенія, я развилъ ихъ, и въ настоящее время число иностранныхъ газетъ, получающихъ наши статьи и распространяющихъ ихъ, доходитъ до пятидесяти двухъ, а именно:

1 въ Швеціи, 9 въ Англіи, 3 въ Голландіи, 2 въ Бельгіи, 3 во Франціи, 2 въ Швейцаріи, 6 въ Италіи, 3 въ Австріи, 3 въ Баваріи, 6 въ Пруссіи и 14 въ прочихъ нѣмецкихъ государствахъ.

Въ числѣ этихъ газетъ есть самая вліятельная въ мірѣ, какъ-то: Аугсбургская *Kreuz Zeitung*, Вѣнскія: *Botschafter* и *General-Correspondenz*, *Independence Belge*, *Constitutionel*, Туринская *Opinione*, *Gazetta di Milano* и т. д. Но величайшей побѣдой нашего искуснаго Лондонскаго агента было заручиться содѣйствіемъ *Times*, таинственный редакторъ коего *the King Editor*, какъ его называютъ въ Англіи, переписывается съ нашимъ агентомъ каждую недѣлю.

Но для того, чтобы правильно поддерживать столь обширную корреспонденцію, необходимо учредить особое тайное бюро. Оно не должно состоять ни при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, ни при 3-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, ибо, въ такомъ случаѣ, его официальное существованіе перестало бы быть тайною, и его дѣятельность была бы бесплодна. Если же это бюро будетъ состоять при редакціи „Инвалида“, то о немъ будетъ извѣстно лишь его превосходительству г. военному министру и тѣмъ лицамъ, коихъ онъ пожелаетъ посвятить въ это дѣло и, слѣдовательно, дѣятельность бюро будетъ весьма плодотворна. Даже наши заграничные агенты не должны подозрѣвать, что главнымъ двигателемъ нашей корреспонденціи явится правительство.

Помимо литографированной корреспонденціи бюро должно разсылать газетамъ также важнѣйшія изъ спеціальныхъ корреспонденцій.

Всѣ замѣтки, рассылаемыя бюро, должны быть достовѣрны; единственною ихъ основою должна быть истина. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

онѣ должны быть разнообразны, точны, кратки и составлены со вкусомъ.

Расходы по содержанію такого бюро будутъ ничтожны по сравненію съ пользою, которую оно можетъ принести. Война можетъ обойтись намъ милліонъ въ день, не считая пролитой крови и пагубныхъ послѣдствій войны, между тѣмъ, какъ за ничтожную, по истинѣ, сумму въ 20.500 руб. въ годъ, можно приобрѣсти и поддержать благотворное для насъ вліяніе на общественное мнѣніе за границей.

Если эта маленькая сумма будетъ ассигнована, то я ручаюсь, что число иностранныхъ газетъ, которыя будутъ защищать наше правое дѣло, дойдетъ къ концу года до 80, и этого числа будетъ достаточно, для того, чтобы склонить общественное мнѣніе въ нашу пользу“.

Записка барона Кене, представленная министру, была имъ передана мнѣ со словами.

— Разсмотрите это, Сергѣй Павловичъ, можетъ быть баронъ Кене и правъ, и вмѣсто брошюръ гораздо лучше выпускать періодически вѣрныя свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ. Надо придумать только способъ слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранныя газеты перепечатывали наши сообщенія.

Баронъ Кене говоритъ, что контроль онъ беретъ на себя и будетъ доставлять вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ.

— Если это такъ, то составьте докладъ.

Исполняя приказанія военнаго министра, былъ составленъ слѣдующій докладъ:

Газеты и журналы нынѣ составляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій для достиженія политическихъ цѣлей. Каждая политическая партія въ Европѣ старается имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько органовъ печати и постоянно проводитъ свои воззрѣнія въ издаваемыхъ ею сочиненіяхъ, въ журналахъ и брошюрахъ. Денежныя средства, расходуемая на этотъ предметъ, бываютъ огромны. Извѣстно, напримѣръ, что итальянское правительство во время министерства Кавура, для подготовленія общественнаго мнѣнія Европы въ пользу единства Италіи, израсходовало семь милліоновъ франковъ. Извѣстно также, что польская революціонная партія дѣлаетъ политическую печать однимъ изъ главныхъ орудій своей агитаціи.

Польскіе революціонеры, воспользовавшись тѣмъ невѣдѣніемъ, которое существовало въ европейской публикѣ относительно самыхъ главныхъ основъ нашего народнаго и государственнаго быта, не щадя средствъ на приобрѣтеніе газетъ и журналовъ, успѣли привлечь на свою сторону общественное мнѣніе.

Самыя неопровержимыя истины о Россіи казались большинству европейской публики ложью, и самая наглая ложь о ней принимались за истину. Недовольствуясь этимъ, руководители польской революціи своими подпольными изданіями съ большою настойчивостью посягали на русское общественное мнѣніе, такъ что пытались возстановить противъ правительства даже простой народъ.

Выше уже было сказано объ изданіи брошюръ, а въ настоящемъ докладѣ предполагалось вмѣсто ихъ раздавать литографированный листокъ на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ подъ заглавіемъ „Correspondence Russe“. Заграничные корреспонденты обязаны бы были заботиться о помѣщеніи статей „Correspondence Russe“ въ иностранныхъ газетахъ и вырѣзки изъ этихъ газетъ, съ указаніемъ, откуда онѣ перепечатаны, присылать въ редакцію, которая ежегодно чрезъ военнаго министра представляла Государю на благоусмотрѣніе.

Редакціи, которыя перепечатывали статьи, были вначалѣ немногочисленны, а именно: только семь нѣмецкихъ, пять англійскихъ, три итальянскихъ, двѣ французскихъ и одна голландская. Но едва прошелъ годъ, и уже число это возрасло въ сильной степени.

Вотъ, что въ концѣ 1864 года доносилъ министру баронъ Кене, на основаніи имѣвшихся въ редакціи документовъ¹⁾.

„Иностранная пресса, столь враждебная Россіи въ прошедшемъ 1863 году, стала, въ настоящее время, сдержаннѣе, и мы можемъ похвастать тѣмъ, что этой, для насъ благопріятной переměнѣ способствовала въ значительной степени литографированная корреспонденція „Инвалида“.

Корреспонденція эта ведется теперь вполне правильно и систематично. Ея XXVIII номеръ появился на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Многочисленные письма нашихъ агентовъ удостоверяютъ, что наши листки, составляемые внимательно и талантливо, встрѣчаются вездѣ сочувственно.

Помимо этого, комиссія, на которую вашимъ превосходительствомъ возложено порученіе вліять на иностранную прессу, разослала нѣсколько брошюръ, которыя обратили на себя всеобщее вниманіе и всѣхъ заинтересовали.

Главная цѣль, преслѣдуемая этой корреспонденціей—освѣдомлять иностранную публику и въ особенности журналистовъ, о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства Его Величества и указать на то, что Россія, съ самаго восшествія на престолъ Императора

¹⁾ Оригиналь на французскомъ языкѣ.

вступившая на путь цивилизаціи и прогресса, идетъ по этому пути неуклонно къ дальнѣйшему преуспѣянію. Добросовѣстное освѣдомленіе о томъ, что дѣлается у насъ—есть наилучшее средство для того, чтобы побороть вліяніе лживой и систематически враждебной намъ прессы.

Успѣхъ, достигнутый нами въ различныхъ странахъ, различенъ. Въ Германіи, гдѣ пресса, вообще говоря, хорошо освѣдомлена, наши сообщенія перепечатывались цѣликомъ или въ выдержкахъ, во множествѣ газетъ. Особенно большія препятствія пришлось преодолѣть въ Дрезденѣ,—средоточіи мятежныхъ поляковъ, и въ нѣкоторыхъ католическихъ городахъ. Но, благодаря искусству нашего Дрезденскаго агента, г. надворнаго совѣтника Аккермана, даже въ главной газетѣ, издаваемой въ этомъ городѣ, появились передовыя статьи, написанныя въ нашу пользу, и враждебный голосъ ультрамонтантскихъ органовъ не находятъ болѣе сочувствія даже среди католиковъ.

Въ общемъ болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ нашихъ замѣтокъ появились въ 41 нѣмецкой газетѣ.

Въ Нидерландахъ, четыре главныя газеты, издаваемыя въ Гаагѣ, Роттердамѣ и Амстердамѣ, подъ вліяніемъ корреспонденцій „Инвалида“, всегда были на нашей сторонѣ.

Въ Бельгій въ нашу пользу высказывались иной разъ *Independence Belge* и часто *Etoile*.

Въ Стокгольмѣ на нашей сторонѣ *Dagblat Allehanda*, которая, за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, черпала прежде свои свѣдѣнія изъ „Колокола“.

Въ Копенгагенѣ мы вошли въ сношенія съ *Berlinske Tidende*, которая всегда перепечатываетъ наши передовыя статьи.

Въ Италіи, благодаря таланту нашего агента, туринскаго профессора Летура, наши корреспонденціи имѣли успѣхъ у органовъ самыхъ различныхъ направленій, каковы „*Opinione*“,—органъ итальянскаго правительства „*Armonia*“,—ультрамонтанская газета, *Diritto*, демократическая газета, *Giornale de Triste*—органъ австрийскаго правительства.

Въ Миланѣ, баронъ Франко Мистрала, второй редакторъ лучшей Ломбардской газеты, „*Gazetta di Milano*“, съ которымъ у меня установились личныя отношенія, до того проникся сознаниемъ, что программа, которую мы себѣ поставили, правильна, что онъ задумалъ издавать независимую газету, которая сослужитъ намъ хорошую службу, снискавъ намъ симпатіи всѣхъ честныхъ людей могущественной Италіи, которая окажется современемъ крупной величиной, способной вліять на равновѣсіе европейскихъ державъ. Сбро-

сивъ съ себя пагубную опеку Франціи, Италия можетъ стать вѣрной союзницей Россіи.

Въ Римѣ, правительственный органъ „Osservatore“ нерѣдко черпалъ свѣдѣнія изъ нашихъ корреспонденцій, и наши отношенія прервались только послѣ извѣстной рѣчи папы къ кардиналамъ.

Bibliothèque universelle de Genève—серьезная газета, весьма распространенная не только въ Швейцаріи, но и во Франціи, редактируется образцово молодымъ докторомъ Эд. Фикомъ, который состоитъ также однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ. Въ этой газетѣ встрѣчается нѣсколько передовыхъ статей, написанныхъ на основаніи нашихъ сообщеній, онѣ не могли бы быть написаны лучше въ Петербургѣ.

Во Франціи мы привлекли на свою сторону „Constitutionnel“—самый значительный органъ французской прессы. Я могу особенно похвастать любезностью главнаго редактора П. Лимайрака, съ которымъ я познакомился лично, и содѣйствіемъ помощника редактора г. Симона. Статьи „Constitutionnel“ перепечатаны многими второстепенными газетами. Кромѣ того наши корреспонденціи использованы газетами „La Presse“, „La Nation“, „Le courrier du dimanche“ и т. д.

Въ Англіи наши корреспонденціи сообщаются регулярно восемнадцати газетамъ, изъ коихъ четырнадцать издаются въ Лондонѣ. Благодаря необыкновенной дѣятельности и усердію нашего Лондонскаго агента, лэди М. Стюартъ Малькольмъ, враждебное къ намъ отношеніе англійской прессы прекратилось; вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ ни одна статья, написанная польскими эмигрантами, столь многочисленными въ Лондонѣ, не была принята. Мы обязаны корреспонденціямъ „Инвалида“ тому, что лучшіе редакторы англійскихъ газетъ имѣютъ нынѣ болѣе правильный взглядъ на Россію и понимаютъ великодушныя намѣренія Его Императорскаго Величества. Многія изъ нашихъ статей перепечатаны въ „Times“, „Evening Herald“, „Standard“, „Morning Herald“ и въ другихъ газетахъ. Въ „Economist“, „Lloyde“, „Saturdi Rewiew“ и т. д. встрѣчаются статьи, напечатанныя на основаніи нашихъ замѣтокъ. Если припомнить, какова была англійская пресса не далѣе какъ лѣтомъ прошлаго года, если подумать о постоянныхъ интригахъ недовольныхъ поляковъ, которые и по сейчасъ стараются взволновать Англію съ цѣлью вызвать движеніе противъ Россіи, то достигнутые нами успѣхи покажутся весьма удовлетворительными.

Слѣдуетъ упомянуть также о стремленіи нашего агента; найдя въ одномъ частномъ журналѣ замѣтку, направленную противъ нашего правительства, лэди Малькольмъ, не теряя ни минуты, обра-

тилась къ редактору означенной газеты, чтобы помѣстить опроверженіе на эту статью и защитить правое дѣло Россіи. Непрестанно заботясь объ общихъ интересахъ Россіи и Англіи, лэди Малькольмъ успѣла добиться того, что въ „Morning Post“—газетѣ, которая была въ прошломъ году яримъ органомъ польскихъ повстанцевъ, были помѣщены прилагаемыя при семъ двѣ статьи, появившіяся весьма кстати для того, чтобы успокоить умы въ Англіи.

Въ общемъ 82 газеты, издаваемые въ разныхъ странахъ, получили наши сообщенія непосредственно отъ насъ самихъ или чрезъ посредство другихъ лицъ и воспользовались ими.

Въ 1866 года „Correspondence Russe“ удалось приобрѣсти такое значеніе въ европейской журналистикѣ, что нельзя указать ни на одну изъ наиболѣе распространенныхъ французскихъ или нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ не перепечатывались бы еженедѣльно статьи, появляющіяся въ „Correspondence Russe“.

Въ этомъ отношеніи дѣйствительность далеко превзошла всѣ ожиданія редакціи. Хорошо зная, наприм., постоянную холодность въ отзывахъ о Россіи со стороны официальной французской газеты „Moniteur Universel“, встрѣчая еще недавно на его столбцахъ отзывы, непріязненные о Россіи, редакція „Инвалида“, не полагая имѣть успѣха въ непосредственномъ сношеніи съ редакціею „Moniteur'a“, не включала въ кругъ обязанностей своего парижскаго корреспондента заботиться о помѣщеніи тамъ своихъ корреспонденцій. Но въ теченіе 1864 и 1865 годовъ „Moniteur“ не только самъ перепечатывалъ всѣ руководящія статьи „Корреспонденціи“, но заимствовалъ изъ нея даже нѣкоторыя мелкія статьи, не имѣющія значенія свѣдѣнія, также только при томъ указывая на источникъ своихъ заимствованій.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что это было время важныхъ событій на востокѣ, и французскія газеты вообще не охотно говорившія объ этомъ предметѣ, перепечатывали, однако, всѣ статьи, въ которыхъ говорилось о восточныхъ дѣлахъ и объ отношеніи къ нимъ русскаго общественнаго мнѣнія.

„Correspondence“ издавалась секретнымъ образомъ, о чемъ было извѣстно князю Горчакову и графу Игнатьеву, и разсылалась она исключительно въ редакціи заграничныхъ газетъ. „Московскія Вѣдомости“, встрѣчая въ иностранныхъ газетахъ ссылки на „Correspondence“, называли ее какою-то подпольною газетою.

Статьями этими заинтересованъ былъ и князь Горчаковъ. Вслѣдствіе разговора по этому поводу съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ я получилъ однажды записку слѣдующаго содержанія:

„Покорнѣйше прошу немедленно прислать мнѣ вырѣзки статей изъ иностранныхъ газетъ, чтобы я могъ показать князю Горчакову, въ какой мѣрѣ „Инвалидъ“ имѣетъ вліяніе на иностранную прессу.

Д. Милютинъ“.

При свиданіи со мною министръ передалъ мнѣ слова князя Горчакова, сказавшаго:

— Я не ожидалъ такого большого успѣха.

Какъ ни охранялся секретъ, но онъ въ 1868 году дошелъ до свѣдѣнія наслѣдника цесаревича Александра Александровича. 11-го января министръ прислалъ мнѣ письмо гофмаршала двора наслѣдника цесаревича съ помѣткою на немъ:

„Прошу Сергѣя Павловича переговорить со мною по этому предмету“. Самое же письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь Дмитрій Алексѣевичъ.

Государь наслѣдникъ цесаревичъ, узнавъ, что при редакціи „Русскаго Инвалида“ издается извѣстная Вашему Высокопревосходительству русская корреспонденція, изволилъ изъявить желаніе получить это изданіе.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня для доклада Его Императорскому Высочеству, не изволите ли Вы признать возможнымъ сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе, чтобы корреспонденція эта, по мѣрѣ выхода ея, доставлялась Его Императорскому Высочеству.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Звенигородскій“.

На это письмо министръ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь
Владиміръ Яковлевичъ.

На письмо Ваше отъ 11-го января за № 68 имѣю честь увѣдомить, что, считая за особенное удовольствіе исполнить желаніе Его Императорскаго Высочества, я уже отдалъ приказаніе Главному редактору газеты „Русскій Инвалидъ“, полковнику Зыкову, чтобы каждый номеръ выходящей еженедѣльно „Correspondence“ былъ доставляемъ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю долгомъ просить Васъ, Милостивый Государь, доложить Его Императорскому Высочеству, что выходящая по Высочайшему Государя Императора соизволенію при редакціи „Русскаго Инвалида“ „Correspondence“ составляетъ тайну и

*

разсылается исключительно въ однѣ только редакціи заграничныхъ газетъ съ цѣлью сообщенія о Россіи свѣдѣній, не искаженныхъ съ умысломъ или по незнанію Россіи. Доставляемый же нынѣ Государю Наслѣднику Цесаревичу экземпляръ есть единственный, посылаемый редакціею не за границу.

Примите увѣреніе въ почтеніи и преданности.

Д. Милютинъ“.

Но 1868 годъ былъ послѣднимъ годомъ независимаго существованія, какъ „Correspondence“, такъ и самаго „Русскаго Инвалида“. Уже съ 1863 года, когда рѣзко и смѣло газета выступала въ защиту русскихъ интересовъ, когда талантливныя статьи г.г. Бушена, Гильфердинга, Кояловича, Θεоктистова и другихъ обратили на себя вниманіе не только русской публики, но и вниманіе самого Императора, удостоивавшаго прочтенія ихъ въ корректурѣ и одобрявшаго ихъ для печати, въ крѣпостнической газетѣ „Вѣсть“, издававшейся Скарятинымъ и Юматовымъ, началась непрерывная клевета и брань на газету за ея направленіе. Но когда на верху власти очутились эlegantные графъ Шуваловъ, Тимашевъ и Валуевъ, то они пустили въ ходъ и эlegantныя манеры. Тутъ дѣйствовали не бравью и клеветою, а искуснымъ способомъ лести, отъ которой въ результатѣ приходилось хуже клеветы. „Русскій Инвалидъ“ газета хорошая, говорили одни, но очень жалко, что статьи ея слишкомъ рѣзки; такія крайнія статьи не совсѣмъ удобны въ офиціальномъ органѣ военнаго министерства; статья „Русскаго Инвалида“ объ Остзейскомъ краѣ, говорили другія, были бы не безъ достоинствъ, если бы не были изображены въ такой формѣ, что возбуждаютъ неопредѣленныя надежды крестьянъ на собственность бароновъ. Такія статьи не должны быть въ правительственной газетѣ. Вообще весь тонъ газетныхъ статей „Русскаго Инвалида“, говорили третьи, весьма часто противорѣчитъ общимъ правительственнымъ взглядамъ на русскія событія, а между тѣмъ многими можетъ быть принятъ за взглядъ правительственный. Такая двойственность можетъ быть только вредною.

Подобныя отзывы о газетѣ начали слышаться на верху все чаще и чаще, и, наконецъ, цѣль была достигнута. Въ октябрѣ 1868 года я уже имѣлъ по этому поводу разговоръ съ министромъ, а 27 октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть съ 1869 года при главномъ управленіи по дѣламъ печати изданіе особой и единственной для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій офиціальной газеты подъ наименованіемъ „Правительственный Вѣстникъ“ и затѣмъ, отнявъ всякій офиціальныя характеръ у газетъ, служившихъ офиціальнымъ органомъ нѣкоторыхъ мини-

стерствъ и главныхъ управленій, подчинить ихъ на будущее время дѣйствию общихъ законовъ о печати.

И вотъ наступило время, когда вся печать очутилась подъ тяжелымъ прессомъ Шувалова и Валуева.

Однако, вопросъ о „Русскомъ Инвалидѣ“ не считался еще вполне разрѣшеннымъ; нѣкоторое время онъ былъ предметомъ разговора.

30 ноября я получилъ слѣдующую записку военнаго министра: „Сдѣлайте одолженіе, многоуважаемый Сергѣй Павловичъ, постарайтесь достать мнѣ гдѣ-нибудь одинъ или два № газеты „Moniteur de l'armée“ и, если можно,—свѣдѣнія о томъ, на какихъ основаніяхъ издается эта газета. Также желалъ бы имѣть по одному № нѣмецкихъ военныхъ газетъ.“

Д. Милютинъ“.

А вслѣдъ затѣмъ 4-го декабря другую:

„Государь Императоръ дозволилъ возвратить мнѣ прилагаемые при семъ нумера газеты „Moniteur“, безъ всякаго приказанія; а потому я думаю, что не можетъ уже быть никакого сомнѣнія относительно прекращенія „Русскаго Инвалида“.“

Д. Милютинъ“.

Хотя рѣшеніе министра для редактора было въ порядкѣ вещей безапелляціонно, но Дмитрій Алексѣевичъ, по свойственной ему деликатности, обратился ко мнѣ, сказавъ:

— Не думаю, чтобы и для васъ было бы интересно вести газету, въ которой ничего не будетъ кромѣ приказовъ.

Тогда, по приказанію военнаго министра, въ газетѣ было объявлено, что съ 1869 года изданіе „Инвалида“ прекращается вовсе.

Казалось бы, что Шуваловъ и Валуевъ были вполне удовлетворены; независимая отъ ихъ произвола газета, портившая имъ кровь, переставала существовать, и никто изъ нихъ уже не услышитъ осужденія ихъ внутренней политики, поощрявшей все, кромѣ русскихъ интересовъ. Но и этого имъ казалось мало; имъ нужно было, чтобы газета военнаго министерства существовала, но отнынѣ была вполне бы безмолвною. Съ этою цѣлью былъ пущенъ слухъ, дошедшій куда слѣдовало, что прекращеніе „Инвалида“ очень огорчило членовъ Комитета о раненыхъ, и Государь приказалъ министру продолжать изданіе. Вопросъ этотъ былъ предложенъ военно-ученому комитету, который рѣшилъ присоединить газету къ „Военному Сборнику“, который редактировалъ П. К. Меньковъ.

Этимъ покончилъ свое существованіе Милютинскій „Русскій Инвалидъ“.

Въ память о немъ я не могу не сказать нѣсколько словъ.

Не буду говорить о томъ, рационально или нѣтъ поставлено было самое дѣло; естественно или нѣтъ было существованіе независимаго органа общественнаго мнѣнія, весьма часто болѣе или менѣе открыто противорѣчащаго видамъ того или другого изъ министерствъ; наконецъ, рационально ли, что оффиціальныи органъ одного министерства косвенно осуждалъ дѣйствія другого. Обо всемъ этомъ можно говорить и даже спорить, но нельзя не сказать, что „Русскій Инвалидъ“ въ то время, на-ряду съ „Московскими Вѣдомостями“ и газетою „День“ и „Парусъ“, доколѣ двѣ послѣднія не были закрыты Вауевымъ, принесъ безспорно немалую пользу русскому обществу. Онъ разъяснилъ истинныя отношенія къ польскому вопросу въ ущербъ польскимъ притязаніямъ, а талантливые государственные дѣятели привели въ исполненіе Высочайшую волю вторично, такъ сказать, присоединивъ Польшу къ Россіи. Въ вопросѣ остзейскомъ, несмотря на сильную поддержку балтійскихъ нѣмцевъ со стороны русской администраціи, голоса московскихъ газетъ и „Русскаго Инвалида“ имѣли большое вліяніе на русское общество, которое только изъ этихъ статей узнавало о тамошнихъ порядкахъ. А это было тѣмъ важнѣе, что противъ нихъ до тѣхъ поръ никто не смѣлъ говорить, а знавшій эти порядки и описавшій ихъ поплатился за то крѣпостью. Стоитъ только припомнить, что русскій генераль-губернаторъ Альбединскій получилъ выговоръ отъ какого-то остзейскаго герихта за то, что онъ осмѣлился написать въ этотъ герихтъ бумагу на русскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ. И русскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ русскаго Императора, безмолвно перенесъ это оскорбленіе.

И все это глумленіе надъ Россіею и русскими происходило, по словамъ тѣхъ же остзейцевъ, на основаніи какихъ-то, не то матрикуль, не то договоровъ временъ Петра Великаго. Но благодаря Бога, Императоръ Александръ II умѣрилъ баронскій пылъ и ввелъ нѣкоторыя реформы.

Что касается до упрековъ газеты „Вѣсть“ и другихъ сановниковъ, что „Русскій Инвалидъ“ унижалъ дворянское сословіе и вооружалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, то это сплошная ложь. Никогда „Русскій Инвалидъ“, вполне признавая всѣ заслуги русскаго дворянства, начиная съ освобожденія крестьянъ, не отзывался о немъ дурно или неуважительно. Только когда въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ заговорили, что правительство за освобожденіе крестьянъ должно дать дворянству исключительныя противъ другихъ сословій права, то есть создать олигархію, „Инвалидъ“ горячо возражалъ, разоблачая скрытыя тенденціи дворянства.

Съ преобразованиемъ „Инвалида“, лично я терялъ очень не много

въ матеріальномъ отношеніи, ибо во время своего редакторства я не пользовался никакими служебными преимуществами. Для меня было совершенно достаточно сознанія, что я рядовой работникъ въ рукахъ европейски образованнаго государственнаго человѣка, который горячо отстаивалъ при всякомъ случаѣ русское дѣло.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы во главѣ государственныхъ дѣлъ стояли два такихъ человѣка, какъ двое братьевъ Милютиныхъ, то Россія не вынесла бы тѣхъ надѣвательствъ и униженій со стороны финляндцевъ, какимъ она подвергается нынѣ.

Въ 1864 году къ нападающимъ на „Русскій Инвалидъ“ присоединилась газета, вдохновленная Черняевымъ и Комаровымъ. Въ ней и въ нѣкоторыхъ журналахъ стали появляться статьи Оадѣва, огульно осуждавшія всѣ мѣры, предпріятыя Д. А. Милютинымъ, касавшіяся реформъ въ арміи. Это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ этой партіи не встало лицо съ большимъ военнымъ авторитетомъ, а именно фельдмаршалъ князь Барятинскій.

Вступивъ въ министерство, Д. А. Милютинъ горячо принялся за коренныя реформы, осуществленныя вполнѣ къ началу 1871 года, когда вся Россія была раздѣлена на 14 военныхъ округовъ. Новая организація военныхъ силъ и ихъ учрежденій, конечно, нашла, какъ это всегда бываетъ, какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. По этому поводу военный министръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1864 году доносилъ:

„Совершившіяся въ послѣднее время по военной части преобразованія обняли собою такой обширный кругъ государственной дѣятельности и затронули столько интересовъ, что, при всемъ сочувствіи къ нимъ огромнаго большинства лицъ здраво мыслящихъ и опытныхъ, реформы эти не могли не имѣть и отъявленныхъ противниковъ. Утѣшительно однако то, что всѣ нареканія со стороны сихъ послѣднихъ либо обнаруживаютъ незнакомство съ сущностью и цѣлью совершившихся преобразованій, либо касаются тѣхъ именно недостатковъ нашей арміи, устраненіе которыхъ и должно быть со временемъ результатомъ предпріятыхъ реформъ. Токли эти неоднократно доходили до свѣдѣнія Вашего Величества, во осмѣливаюсь думать, что они не могли ни разу поколебать ¹⁾ въ Васъ, Государь, увѣренность, что военное министерство, дѣйствуя постоянно по непосредственнымъ Вашимъ указаніямъ, идетъ вѣрнымъ путемъ къ предположенной цѣли—всестороннему развитію и совершенствованію вооруженныхъ силъ Имперіи“.

Все это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ недо-

¹⁾ Противъ этихъ словъ Государь написалъ: „нѣтъ, не поколебали“. Татищевъ.

вольныхъ не стояло авторитетное лицо—фельдмаршалъ князь Барятинскій. И вотъ онъ почему-то вдругъ энергично при литературномъ содѣйствіи Черняева, Фадѣева, Комарова и газеты „Вѣсть“ началъ нападать на всю систему Милютина, при чемъ „Русскому Инвалиду“ пришлось вести не менѣ горячую полемику.

По мнѣнію князя Барятинскаго, новая система грозила едва-ли не гибелью Россіи. Для отвращенія этой опасности онъ испросилъ у Государя дозволенія представить на докладъ Милютина свои замѣчанія, не взирая на то, что положеніе было уже Высочайше утверждено и обнародовано.

Въ своей запискѣ князь Барятинскій перешелъ далеко за предѣлы вопроса, послужившаго къ ней поводомъ. Очертивъ характеръ дѣятельности, какъ военнаго министра, такъ и главнокомандующаго арміею въ военное время, фельдмаршалъ доказывалъ, что новымъ положеніемъ умалена власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго имъ въ полную зависимость отъ центральнаго военнаго управленія, которое, являясь руководителемъ войны, получаетъ значеніе гофъ-кригсъ-рата, давно осужденнаго исторіею.

Однако, предсказанія князя Барятинскаго ни мало не оправдались, ибо первая случившаяся въ 1877 году турецкая война показала, что милютинская система вполнѣ выдержала испытаніе во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ вполнѣ удовлетворительно, августѣйшій главнокомандующій, если былъ въ чемъ-нибудь стѣсненъ, то отнюдь не гофъ-кригсъ-ратомъ, а военный министръ за осуществленіе тѣхъ реформъ, которыя образовали доблестныя войска, былъ награжденъ высокопочетнымъ орденомъ.

Но и записка князя Барятинскаго имѣла также свою исторію. Чтобы удовлетворить его, была по Высочайшему повелѣнію образована подъ предсѣдательствомъ графа Коцебу комиссія изъ большихъ сановниковъ, разсуждавшая довольно долго о томъ, какія поправки можно ввести въ милютинскую систему. Но здѣсь вполнѣ оправдался французскій афоризмъ, что *critique est aisée, mais l'art est difficile*. Ничего не выработавъ, комиссія спокойно разошлась.

Разставаясь со мною, какъ съ редакторомъ, Дмитрій Алексѣевичъ проявилъ крайнюю степень вниманія и любезности, рѣшившись даже на передокладъ о моей наградѣ у Государя Императора.

— Мнѣ хотѣлось бы, Сергѣй Павловичъ, наградить Васъ виѣ правилъ и дать Владиміра 3 степени, минуя 4 степеней: къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось. Государь мнѣ сказалъ, что онъ не любитъ, когда обходятъ эту степень.

С. П. Зыковъ.

